

Меняющаяся парадигма безопасности. Новые роли для новых акторов – российский подход

Мирослав Банасик

Университет Нижней Силезии, Вроцлав, Польша, <http://www.uls.edu.pl>

Резюме: Успех Российской Федерации на Украине и аннексия Крыма подтверждают факт, что гибридная война является эффективным инструментом для достижения политических целей. В этой статье дана оценка характера гибридной войны, основанная на теоретических публикациях, посвященных искусству войны, и на доктринальных документах Российской Федерации, а также рассмотрены практические измерения гибридной войны. На этой основе можно сделать вывод, что гибридная война и организованная преступность являются реальными угрозами для европейской безопасности. Международные организации, НАТО и Европейский Союз до сих пор не разработали ни стратегии, ни эффективные инструменты для противодействия этому явлению.

Ключевые слова: Гибридная война, организованная преступность, угрозы, Российская Федерация, НАТО, Европейский Союз.

Введение

В 2014 году Российская Федерация провела две отдельные фазы операций на Украине. Независимо от существенного отличия целей и методов, применяемых в этих операциях, надо отметить, что у них было много общих характеристик. Обе операции были спланированы и проведены в соответствии с доктриной Герасимова и на основе концепции гибридной войны. Успех операций показывает, что гибридная война является эффективным инструментом, позволяющим Российской Федерации реализовать свою стратегию и добиваться достижения своих национальных целей. С другой стороны, надо признать, что нарушение территориальной целостности Украины при аннексии Крыма является нарушением международного

права. Тем не менее, Россия смогла достичь своих целей, используя гибридную тактику и без открытого объявления войны, оказывая давление с помощью подразделений регулярной армии, дислоцированных вдоль границы с Украиной. Это свидетельствует о решимости России использовать вооруженную силу, когда невоенные меры не срабатывают.¹ Своими действиями Россия вызывает беспокойство среди соседних стран, которые сделали официальные заявления относительно использования средств гибридной войны против них.² Более того, Россия пытается придать своему геостратегическому положению и автократическому централизованному режиму статус суперсилы. Ее подход к широкомасштабному конфликту включает скоординированные дипломатические, информационные, кибернетические, экономические и военные операции, и основная составляющая ее стратегии направлена на оказание влияния на центр тяжести противника во всех возможных измерениях, в то же время обеспечивая свою защиту.³ В западных публикациях модель спланированного совокупного влияния на разные сферы часто называют «неконвенциональной, или политической, войной».⁴ Широкомасштабная дестабилизация соседних государств, множество неоднозначных замаскированных угроз и жесткая, недвусмысленная агрессия не только оказывают отрицательное влияние на региональную безопасность, но также порождают внутренние разделения в международных организациях.⁵

В этой статье сделана попытка оценить гибридные угрозы европейской безопасности. В статье представлены результаты исследования, рассматривающего следующие вопросы: 1) В чем выражается концепция гибридной войны и какую роль играет организованная преступность в гибридной войне? 2) С какими вызовами и угрозами сталкиваются НАТО и ЕС в результате гибридной войны и какова реакция этих организаций на них?

Гибридная война в теории и практике

Гибридная война как особое сочетание конвенциональных и нерегулярных операций известна на протяжении многих веков. С древних времен одним из главных аспектов вооруженных действий было правильное распознавание текущей ситуации и соответствующее адаптирование собственного

¹ Dave Johnson, *Russia's Approach to Conflict – Implications for NATO's Deterrence and Defence* (Rome: NATO Defense College, 2015), 2.

² Mike Winnerstig, *Tools of Destabilization. Russian Soft Power and Non-Military Influence in the Baltic States* (Stockholm: FOI, 2014), по состоянию на 15 июня 2015, www.foi.se/en/Search/Abstract/?rNo=FOI-R--3990--SE.

³ Johnson, *Russia's Approach to Conflict*, 2.

⁴ Frank Hoffman, *On Not-So-New Warfare: Political Warfare vs. Hybrid Threats* (4 August 2014), 2, по состоянию на 15 июня 2015, <http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Articles/Detail/?id=182335>.

⁵ *Countering Hybrid Threats*, Food-for-thought paper, European External Action Service (EEAS), Council of the European Union, 8887/15 (Brussels, 13 May 2015), 2.

поведения.⁶ Хотя природа войны остается неизменной, методы ведения войны и методы достижения победы неизбежно подвергаются определенной трансформации.⁷ Современные вооруженные силы должны справляться с новыми вызовами, рисками и угрозами, в том числе и асимметрическими. Гибридные операции могут быть сочетанием избранных форм симметричной⁸ и асимметричной войны,⁹ в которых стороны, вовлеченные в конфликт, проводят классические военные операции и делают жесткие попытки контролировать местное население в зоне боевых действий, хотя в то же время обеспечивают безопасность и стабильность.¹⁰

Фрэнк Хоффман считает, что характерными для гибридных войн являются частые террористические акты и разные формы преступной деятельности.¹¹ Он определяет гибридную войну как войну против врага, который для достижения политических целей одновременно и адаптивно использует интегрированное сочетание конвенционального оружия и нерегулярной тактики, терроризма и преступных элементов на театре военных действий.¹² Верхнее определение подразумевает два вида акторов: государственные и негосударственные, применение широкого набора моделей войны, причем надо понимать, что многие из этих моделей используются одновременно. Хоффман придает особое значение роли организованной преступности в гибридной войне. Существование большого числа объектов делает координацию операций проблематичной. Неясно, каждому ли объекту приписывается отдельная модель военных действий или все объекты ассоциируются с одной моделью. Что более важно: модель структуры или модель операций? Определенно, одновременность действия имеет значение. В свою очередь, неясно, являются ли криминальные акторы участниками или источником финансирования. Определение полностью теряет смысл в случае операций, которые не связаны с применением насилия. Оно не учитывает использование дипломатических, экономических или финансовых инструментов, подрывных операций, неправительственных организаций, информационных операций, использование фальшивых интернет порталов и интернет адресов (троллей) или газет, радио-

---

⁶ Sun Tzu, *Sztuka wojny* (Gliwice, 2004).

⁷ John Keegan, *A History of Warfare* (London, 1993), 11.

⁸ Piotr Gawliczek and Jacek Pawłowski, *Zagrożenia asymetryczne* (Warsaw: AON, 2003), 11.

⁹ John Russell, "Asymmetric Warfare," in *The Big Issue: Command and Combat in the Information Age*, ed. David Potts (London: Strategic & Combat Studies Institute, 2002), 120–122.

¹⁰ John J. McCuen, "Hybrid Wars," *Military Review* 2 (2008), 108.

¹¹ Frank G. Hoffman, *Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars* (Virginia: Potomac Institute for Policy Studies Arlington, 2007), 5.

¹² Frank G. Hoffman, "Hybrid vs. compound war. The Janus choice: Defining today's multifaceted conflict," *Armed Forces Journal* (October 2009), по состоянию на 28 мая 2015, <http://www.armedforcesjournal.com/hybrid-vs-compound-war>.

станций и телевидения. Натан Фрайер, Джон Мак-Куин и Гельмут Хабермайер предлагают схожие определения. Суть этих определений можно свести к возможности одновременного и эффективного применения разных форм ведения войны.¹³ НАТО дает очень общее определение гибридных угроз, предполагая, что они отличаются своим многомерным характером. Однако, в нем ничего не сказано об организованной преступности. Гибридными являются угрозы, которые включают возможность одновременного и адаптивного применения конвенциональных и неконвенциональных средств для достижения намеченных целей.¹⁴ Концепция противодействия гибридным угрозам, направленным против НАТО, требует комплексного подхода, выдвигающего на первое место скоординированное использование всех наличных союзных ресурсов, т.е. дипломатических, экономических, разведывательных и так далее.

Новые варианты ведения войны и разрешения кризисных ситуаций даны в Военной доктрине Российской Федерации от 2010 года, и они учитывают характеристики нынешних конфликтов. Доктрина подразумевает интегрированное использование военных и невоенных инструментов наряду с их ресурсами. Обращено внимание на космические и информационные измерения. Доктрина предполагает, что информационная война позволяет достижение политических целей без использования вооруженной силы или создает условия для использования военной силы.¹⁵ В российской доктрине об асимметричных методах операций показано, что такой подход позволяет свести на нет преимущества противника в конфликтной ситуации путем использования нерегулярных вооруженных подразделений и частных военных компаний.¹⁶ В качестве важного фактора подчеркивается использование политических и общественных сил и осуществление внешнего менеджмента и внешнего финансирования.¹⁷ Изме-

---

¹³ Nathan P. Freier, *Strategic Competition and Resistance in the 21st Century: Irregular, Catastrophic, Traditional, and Hybrid Challenges in Context* (Carlisle, PA: United States Army War College, Strategic Studies Institute, 2007); McCuen, "Hybrid Wars," 107–113; Helmut Habermayer, "Hybrid Threats and a Possible Counter-Strategy," in *Hybrid and Cyber War as Consequences of the Asymmetry: A Comprehensive Approach Answering Hybrid Actors and Activities in Cyberspace*, ed. Josef Schröfl and Bahram M. Rajaei (New York: Peter Lang, 2011), 249–272.

¹⁴ Michael Miklauci, "NATO Countering the Hybrid Threat," 23 September 2011, по состоянию на 3 июня 2015, <http://www.act.nato.int/nato-countering-the-hybrid-threat>.

¹⁵ *The Military Doctrine of the Russian Federation* (approved by Russian Federation presidential edict on 5 February 2010), 7, по состоянию на 31 мая 2015, http://carnegieendowment.org/files/2010russia_military_doctrine.pdf.

¹⁶ Juliusz Sabak, "W Rosji Powstają Prywatne Armie," *Defence24*, 28 June 2014, по состоянию на 31 мая 2015, www.defence24.pl/news_w-rosji-powstaja-prywatne-armie.

¹⁷ *Military Doctrine of the Russian Federation*, December 30, 2014, по состоянию на 31 мая 2015, <https://www.offiziere.ch/wp-content/uploads-001/2015/08/Russia-s-2014-Military-Doctrine.pdf>.

нение взглядов российских стратегов на условия ведения войны отражены в статьях и публичных выступлениях Начальника Генерального штаба вооруженных сил Российской Федерации, генерала Герасимова. В феврале 2013 года он писал, что в двадцать первом веке, вероятно, будет иметь место размывание границ между войной и миром в смысле классического понимания этих понятий. В этом плане надо признать, что различные операции, проводимые Российской Федерацией в дипломатической, экономической и военной сфере, а также подрывные операции и использование организованной преступности, которые имели место в прибалтийских государствах, в регионах Черного и Средиземного морей, следует интерпретировать как элемент кампании, которая реализуется уже длительное время и которая определена в самом общем плане.¹⁸

Лешек Сыкульски подчеркивает, что саботажные группы, принимающие участие в операциях, не могут иметь знаков идентификации, и что их участников нельзя считать служащими вооруженных сил согласно международному праву. Ситуация такого рода позволяет иницирующему государству дистанцироваться от такого типа операций, когда события выйдут из-под контроля.¹⁹ Война не объявляется, она просто начинается с неясных, непредсказуемых событий (никаких хорошо известных схем). На основе опыта цветных революций, произошедших в Северной Африке и на Ближнем Востоке, он утверждает, что в течение нескольких месяцев или даже дней хорошо функционирующее государство может подвергнуться массовым беспорядкам, пережить гуманитарную катастрофу или даже оказаться в состоянии гражданской войны в результате вооруженного конфликта и иностранной интервенции.²⁰ Вышеупомянутая концепция приводит нас к выводу, что Россия, к примеру, может опрокинуть и разрушить прибалтийские государства без прямой широкомасштабной военной интервенции.

Герасимов заявляет, что значение невоенных мер является постоянно меняющимся, и их эффективность во многих случаях может быть большей, чем при использовании обычного оружия. Москве не нужно вводить свои военные части на территорию данного государства в случае, если там началось то, что она называет гражданской войной. Она может использовать другие методы. Таким методом могут быть боевые действия, прово-

---

¹⁸ "British Defense Minister Says Russia's Putin Poses 'Danger' to Baltic States," *The Moscow Times*, 19 February 2015, по состоянию на 16 июня 2015, <http://www.themoscowtimes.com/article.php?id=516203>.

¹⁹ Leszek Sykulski, "Rosyjska koncepcja wojen buntowniczych Jewgienija Messnera," *Przegląd Geopolityczny* 11 (2015): 109, по состоянию на 28 мая 2015, http://przeglad.org/wp-content/uploads/2014/12/Przegląd_Geopolityczny_tom_11.pdf.

²⁰ Valery Gerasimov, "The Value of Science in Prediction," *Military-Industrial Kurier*, 27 February 2013, по состоянию на 31 мая 2015, <https://inmoscowshadows.wordpress.com/2014/07/06/the-gerasimov-doctrine-and-russian-non-linear-war/>.

димые специальными силами, направленными на защиту интересов российских граждан на территории одной из стран, на которые хочет оказывать влияние Россия. Она может финансировать организации, вовлеченные в конфликт и выступающие от имени России. Эти акторы могут попытаться создать постоянную угрозу и долгосрочную слабость, например, с помощью организованной преступности в странах с низким экономическим потенциалом. В свою очередь, Россия может поощрять меньшинства предпринимать дальнейшие шаги по легальному расширению своей роли в государстве, или даже подстрекать и поддерживать сепаратистов в незаконном создании отдельного независимого государства как, по всей видимости, это происходит на Украине. Таким образом, Российская федерация может оказывать влияние на государства, отговаривать их от вступления в НАТО и Европейский Союз, и наоборот, создавать условия для интеграции с Россией и Евразийским Союзом.²¹

Герасимов обращает большое внимание на проведение специальных операций против внутренней оппозиции с целью создания постоянно действующего фронта во всем враждебном государстве, поддерживаемого информационными операциями. Регулярные вооруженные силы можно использовать под прикрытием миротворческих операций только на конкретных стадиях конфликта и только для достижения окончательной победы. Герасимов рассматривает роль и значение политических, экономических и других факторов влияния, используемых с содействием организованной преступности, в том числе, к примеру, факторов секретного характера, а также использование международных негосударственных организаций как путь к реализации политических и военных целей.²² Герасимов назвал будущие войны новым поколением войн или *нелинейными войнами*, в которых будут применимы другие правила. Военные операции будут начинаться в мирное время с использованием малочисленных формирований и с применением агрессии ниже уровня полномасштабной войны. Войны нового поколения будут включать неконтактные столкновения между аккуратно маневрирующими гибридными единицами и точные удары по военной и гражданской инфраструктуре, направленные на нане-

---

²¹ Michael E. Lambert, "Hybrid War at Work in The Post-Soviet Space," *Estonian World*, 24 May 2015, по состоянию на 14 июня 2015, <http://estonianworld.com/security/hybrid-war-at-work-in-the-post-soviet-space/>.

²² Валерий Герасимов, *Роль Генерального штаба в обороне страны в соответствии с новым Положением о Генеральном штабе, одобренным Президентом Российской Федерации*, речь на встрече членов Академии военных наук 26 января 2013, по состоянию на 31 мая 2015, www.avnrf.ru/index.php/vse-novosti-sajta/620-rol-generalnogo-shtaba-v-organizatsii-oborony-strany-v-sootvetstvii-s-novym-polozheniem-o-generalnom-shtabe-utverzhdjonnym-prezidentom-rossijskoj-federatsii.

сение поражения вооруженным силам противника и ослабление его экономической мощи.²³

Действия Российской Федерации являются большим вызовом для НАТО потому, что российский подход к конфликту, несомненно, подразумевает предприятие мер политического, дипломатического, экономического и нелинейного характера без использования силы так, что гибридные операции и организованная преступность остаются ниже порога объявления войны. Что касается российского участия на Украине, одной из возможных должна быть теория, что имеются планы предполагаемого использования вооруженной силы и больших армейских групп на границе с Украиной.²⁴ Если это так, то с точки зрения Москвы, за фиаско в невоенной, нелинейной гибридной стратегической кампании последует неожиданная эскалация конфликта путем использования вооруженной силы и вариант перехода конфликта от невоенной к военной стадии. Эскалация конфликта с широкомасштабным использованием военной силы покажет, что Москва готова к войне с Западом. Для НАТО это будет большим вызовом потому, что чем неустойчивее и изменчивее среда безопасности, тем больше, согласно заявлениям Герасимова, время реакции между моментом принятия политико-дипломатических и моментом принятия военных мер.²⁵ Россия располагает потенциалом для координирования военных и невоенных операций в широком спектре потенциальных кризисных ситуациях. Это делает возможным сочетание автократической системы власти и специализированного процесса принятия решений, и таким образом улучшает систему гражданско-военного командования и управления. Широкомасштабные учения показывают, что российская система командования и управления позволяет стране реализовать способность одновременно руководить и управлять как большими военными операциями, так и малыми, на ограниченных промежутках времени.²⁶ События на Украине так же показывают, что российский подход к вооруженному конфликту включает подготовку к запугиванию с использованием ядерных способностей страны и использование их как прикрытие, а также защиту подчиненной территории посредством невоенных и военных операций. В свете приведенных выше аргументов становится очевидным, что согласно концеп-

---

²³ Valery Gerasimov, *The Value of Science is in Foresight: New Challenges Demand Rethinking the Forms and Methods of Carrying out Combat Operations*, Originally published in *Military-Industrial Kurier*, February 27, 2013, по состоянию на 31 мая 2015, http://usacac.army.mil/CAC2/MilitaryReview/Archives/English/MilitaryReview_20160228_art008.pdf.

²⁴ Heidi Reisinger and Aleksandr Golts, *Russia's Hybrid Warfare – Waging War below the Radar of Traditional Collective Defence* (Rome: NDC, 2014), по состоянию на 12 июня 2015, www.ndc.nato.int/news/current_news.php?icode=732.

²⁵ Герасимов, *Роль Генерального штаба в обороне страны в соответствии с новым Положением о Генеральном штабе*.

²⁶ Johnson, *Russia's Approach to Conflict*, 9.

циям, выдвигаемым военным руководством Российской Федерации, следует ожидать, что будут иметь место операции с использованием невоенных мер, т.е. дипломатических, политических, экономических и информационных в сочетании с военными мерами, т.е. кинетических, некинетических, конвенциональных военных, специальных военных и военизированных сил, неядерных оружий (конвенциональных ракет точного наведения) и ядерного оружия.²⁷

Скоординированные и синхронизированные российские операции подразумевают применение множества разных инструментов для создания стратегической неопределенности. Россия использует комплексные, многомерные факторы влияния для того, чтобы преднамеренно посылать фальшивые сигналы и маскировать свои истинные намерения, ограничивать противников, замедлять процесс принятия решений и делать их реакцию неэффективной. Прибегание к нелинейным и асимметричным операциям может эскалировать неопределенность, искривлять хронологию известного оперативного порядка и создавать трудности при распознавании модели агрессии. Соответственно то, что давление оказывалось преднамеренно, можно понять постфактум (через пару лет), т.е., что дипломатическое давление, давление в смысле энергетических поставок, использование элементов организованной преступности или подстрекательство к этническому разделению были частью долгосрочной кампании. Наблюдение за конфликтом в Украине показывает, что присутствие «зеленых человечков» вообще не обозначает начало конфликта: скорее наоборот, это один из признаков окончания первой стадии конфликта, которая имеет военный характер. Согласно некоторым оценкам доктрины Герасимова, оно обозначает эскалацию насилия, в ходе которой доминирующий игрок может применить регулярные вооруженные силы.²⁸

Российские операции на Украине недвусмысленно указывают на то, что среда безопасности в Европе стала непредсказуемой. Целью российского гибридного влияния и организованной преступности является оказание давления и дестабилизация соседних стран без необходимости захватывать их территорию. Сочетание и синхронизация замаскированных военных операций приводит к достижению эффекта неожиданности и мешает адекватной реакции, особенно со стороны международных организаций, функционирующих на принципе консенсуса. Гибридная война непредсказуема, поскольку ее ведение несложно и обходится дешево для внешнего агрессора, но стоит дорого и имеет негативные последствия для защищаемой стороны.²⁹ Шантаж в смысле угрозы использования ядерного оружия Российской Федерацией (аннексия Крыма), а также широкомасштаб-

---

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, 12.

²⁹ Nicu Popescu, *Hybrid Tactics: Neither New Nor Only Russian* (European Union Institute for Security Studies, 2015), 2, по состоянию на 12 июня 2015, www.iss.europa.eu/uploads/media/Alert_4_hybrid_warfare.pdf.

ное использование вооруженных сил и конвенционального оружия, как и создание зон замороженных конфликтов (восточная Украина) наряду с использованием организованной преступности, являются существенным вызовом для безопасности евроатлантического региона. Для гашения широкомасштабных кризисов в зародыше очень важными являются превентивные операции. Распределение ролей между страной, находящейся под ударом, странами на западных границах Союза и другими союзниками, а также между НАТО, ЕС и ООН, должно быть четко обозначено.³⁰

НАТО перед лицом гибридных угроз

С учетом перечисленных выше аргументов не может быть никаких сомнений в важности проблемы гибридной войны и организованной преступности для международного сообщества, независимо от того, является ли используемая тактика новой или старой. Импульс и масштаб военных операций, осуществляемых Российской Федерацией, преднамеренно ограничены и сохраняются на уровне неопределенности: а точнее, на уровне ниже регулярной, открытой войны.³¹ Задача подпороговой агрессии состоит в реализации намеченных целей, причем неопределенность затрудняет достижение решающего консенсуса в международных организациях безопасности. НАТО сталкивается с трудностями при формировании ответа из-за того, что уровень агрессии сохраняется ниже критериев для классических угроз, а ответ должен быть скоординирован, в том числе с участием невоенных институций. В контексте военной операции, которая была проведена в Крыму и которая не была военной агрессией, а новой формой оперативного военного искусства, можно задать вопрос: являются ли текущие юридические положения и наличные инструменты формирования реакции НАТО адекватными требованиям современной войны, названной Герасимовым войной нового поколения? Янис Берзиньш подвергает сомнению адекватность Статьи 5 в ситуации, когда отсутствует вооруженное нападение. Он задается вопросом, что будет делать НАТО, если Россия начнет защищать права русскоговорящего меньшинства в прибалтийских государствах другими методами и сошлется на демократическое право на самоопределение, как то было в Косово и в Крыму. Как следует реагировать на ситуацию такого характера: политически или по военному? Соответственно, он утверждает, что вооруженные силы НАТО, вероятно, будут готовы воевать, но скорее всего это решение будет заблокировано поли-

³⁰ Merle Maigre, "Nothing New in Hybrid Warfare: The Estonian Experience and Recommendations for NATO," Policy Brief (German Marshall Fund of the United States, 2015), 4, по состоянию на 12 июня 2015, www.gmfus.org/publications/nothing-new-hybrid-warfare-estonian-experience-and-recommendations-nato.

³¹ Stanisław Koziej, "Musimy się przygotować na wojnę hybrydową," *Newsweek Polska*, March 2, 2015, по состоянию на 28 мая 2015, <http://polska.newsweek.pl/koziej-musimy-sie-przygotowac-na-wojne-hybrydowa,artykuly,358198,1.html>.

тиками.³² Есть большая озабоченность тем, располагают ли вооруженные силы способностями, необходимыми для противодействия новым формам гибридных операций и организованной преступности, и что касается применения некинетических форм войны: достичь консенсуса по этой проблеме, вероятно, будет сложно.³³ Несомненно, бреши в применимых положениях международного права и существующие юридические сомнения в соответствии со Статьей 5 со стороны НАТО будут иметь серьезные последствия для стратегий государств на восточном фланге. Чем чаще прибалтийские государства будут становиться объектом российской кампании стратегической коммуникации, в том числе информационных операций, психологических операций и операций по введению в заблуждение и т.д., тем интенсивнее будут нарастать эти последствия. Эти государства не должны ждать, пока НАТО начнет действовать: наоборот, они должны поменять свои стратегии национальной безопасности таким образом, чтобы они могли реагировать на гибридные угрозы как можно адекватнее, и попытаться снизить свою уязвимость. Такая оборона должна включать сочетание боеготовности, сдерживания и способности реагировать. Естественно, восприятие угроз не является универсально одинаковым, как и их оценка. Вне зависимости от действий, предпринимаемых странами-членами, НАТО, как организация, обязано выработать концепцию, расписывающую подробно какие базы будут привлечены к участию в осуществлении стратегии противодействия гибридным угрозам и организованной преступности. По моему мнению, альянс должен так же принять новую стратегическую концепцию, которая лучше бы отражала понимание угрозы безопасности, которую представляет собой Россия (ныне действующая стратегическая концепция была принята в 2010 году). Дело оценки экспертов по международному праву остается вопрос по ссылке на решения Статьи 5, и если это будет необходимо, осуществить более глубокие изменения в Вашингтонском договоре. В заключение можно сказать, что эффективность противодействия угрозам зависит от быстрой разработки и реализации доктринальных документов, подготовки людей в соответствии с ними, и, прежде всего, от изменения мышления военных руководителей.

Конечно, поскольку не НАТО вызвало кризис на Украине, никто, вероятно, не ожидал, что Альянс будет принимать военное участие. Украина не член НАТО, и никто вообще не желал бы прямой конфронтации с Россией. Во-вторых, война не объявляется открыто и, таким образом, Россия не является стороной в конфликте. Без всякого сомнения, в связи с проблемой

---

³² Jānis Bērziņš, *Russia's New Generation Warfare in Ukraine: Implications for Latvian Defense Policy* (National Defence Academy of Latvia, 2014), 8, по состоянию на 4 июня 2015, www.naa.mil.lv/~media/NAA/AZPC/Publikacijas/PP%2002-2014.ashx.

³³ Nicholas Watt, "UK seeking to ensure Russia sanctions do not harm City of London," *The Guardian*, March 3, 2014, по состоянию на 12 июня 2015, www.theguardian.com/world/2014/mar/03/uk-seeks-russia-harm-city-london-document.

деформации международной среды безопасности, все ожидали, что НАТО сделает решительный шаг и поставит гибридные угрозы, исходящие из Восточной Европы, в начало повестки дня саммита в Уэльсе. Этого не случилось, и приоритетным оказалось Исламское государство Ирака и Леванта (ИГИЛ). НАТО пытается адаптироваться к новым вызовам, порожденным гибридной войной и организованной преступностью, но пока нельзя определенно сказать, что эти действия адекватны. Отсутствует конкретная информация в плане военного ответа. Эту проблему можно было бы частично решить путем совместной с ЕС разработкой и реализацией стратегии, конкретизирующей задачи, за решение которых отвечало бы НАТО. Стоит напомнить, что для НАТО наиболее насущной угрозой является ИДИЛ. Для НАТО вызов состоит в том, чтобы определить необходимое распределение ресурсов и инструментов, направленных на нейтрализацию угроз с Востока и угроз с Юга. НАТО должно оценить структуру Совместных сил очень высокой степени готовности (ССОВСГ), так как она должна быть гибкой и способной адаптироваться к широкому кругу гибридных угроз и проявлениям организованной преступности. Она должна включать подразделения из специалистов. Потребуются и новые способности, в том числе способность бороться с организованной преступностью, вести войну в киберпространстве, вести психологические операции, противодействовать пропаганде, поддерживать местные сообщества и другие. Ключевым элементом будет создание ситуационной осведомленности в регионах, в которых осуществляются миссии, а это можно обеспечить только разведкой и военной рекогносцировкой.

Европейский Союз перед лицом гибридных угроз

Российская агрессия на примере аннексии Крыма является серьезным вызовом как для международных организаций, так и для международного права. Россия осуществляет широкомасштабные, хорошо скоординированные операции гибридного характера весьма изощренным образом, ведущим к дестабилизации и нарушению территориальной целостности Украины, что дестабилизирует окружающую среду. ЕС не дал прямого ответа на эти события. Одной из причин для этого является отсутствие определения гибридной войны и недвусмысленного понимания концепции ее использования. Тем не менее, в официальных документах ЕС упоминаются характеристики этого нового явления и объясняется контекст его использования. Как и НАТО, ЕС указывает на разнообразие применяемых инструментов. Гибридная война описывается как скрытая и явная агрессия, планируемая и руководимая централизованно, осуществляемая с использованием военных и невоенных средств, в число которых входят: разведывательные операции, организованная преступная деятельность, кибероперации, оказание экономического давления и использование регулярных вооруженных сил. Используя гибридную тактику, атакующая сторона пытается дискредитировать и дестабилизировать своего противника путем

репрессий и подрывной деятельности. Она использует разные формы саботажа, дестабилизируя функциональность средств коммуникации и средств переноса энергии. Агрессор может добиваться своих целей поощряя сепаратистские группы или маскируя агрессию под прикрытием гуманитарной интервенции. Органически присущим для всех гибридных кампаний является широкомасштабная дезинформация, направленная на создание ложной картины ситуации в глазах общества. Все вышеперечисленные мероприятия не являются случайными. Они используются как часть единой стратегии, направленной на оказание политического влияния на данную страну или даже на ее подчинение.³⁴ Наиболее важным аспектом гибридной войны по оценкам ЕС является создание неопределенности, как в обществе государства, подвергавшегося нападению, так и в международном сообществе. Цель информационного давления состоит в маскировании того, что на самом деле происходит с тем, чтобы лишить противника способности делать различие между войной и миром. Всеобщая неопределенность и отсутствие явных указаний на агрессора может парализовать мобилизацию для активной реакции и обороны потому, что неясно кто стоит за нападением. Более того, неопределенность может привести к разделению международного сообщества и, на первом месте, к замедлению и ограничению спектра реакции на агрессию.³⁵

Европейский Союз констатирует, что гибридные угрозы и организованная преступность с развитием новых технологий подвергнутся эволюции. Он считает, что следует предпринять определенные действия для защиты чувствительных элементов системы безопасности государства. Психологическая оборона против гибридной войны и организованной преступности состоит в комплексном изучении последствий гибридной войны, а затем в создании системы, которая сможет выстоять против этих угроз. Похоже верно то, что гибридный удар направлен на воздействие на наиболее уязвимые элементы государства. В случае с Украиной, в число критически уязвимых областей входят:³⁶ 1) Слабое государственное управление, слабые государственные институты и коррупция; 2) Слабые структуры безопасности и обороны государства; 3) Маргинализация русскоговорящего населения; 4) Сильная зависимость от поставок российского газа и российской нефти.

Система обороны Украины, как и стран членов ЕС, по традиции предназначена для обороны против регулярных вооруженных сил, которые нарушают государственные границы. Стало очевидным, что она не отвечает требованиям, которые порождаются негосударственными акторами, ведущими так называемую *прокси войну*. Оправдалось предположение,

---

³⁴ *Countering Hybrid Threats*, Food-for-thought paper, European External Action Service, 2.

³⁵ Там же, 3.

³⁶ Там же, 4.

что критически важными и чувствительными для функционирования государства областями являются: экономика, сектор энергетики и топлива, критическая инфраструктура, финансовая система, коммуникационная система и транспорт. В этом отношении, гарантирование безопасности энергетических поставок путем обеспечения новых видов энергии и диверсифицирования источников будет очень важным для ЕС. Признание своих слабостей является основой, на которой можно построить эффективную систему безопасности и обороны для защиты против гибридных угроз и организованной преступности.³⁷

При противодействии гибридным угрозам следует рассматривать то, как убедить агрессора в неизбежности последствий для него и в том, что ему придется заплатить определенную цену. Сдерживание можно осуществить двумя способами: во-первых, последствия санкций могут найти выражение в проведении ответных подрывных операций и в результате они могут причинить атакующей стороне такой существенный ущерб, что осуществление нападения окажется экономически неоправданным. Во-вторых, порог критической инфраструктуры может быть существенно повышен и общество подготовлено к последствиям непредсказуемых негативных событий. Есть много места для усовершенствований в нахождение способов сотрудничества между ЕС и НАТО и в подготовке комплексного набора инструментов для противодействия гибридным угрозам. Интегрирование действий этих организаций в общую доктрину в будущем может стать основным столбом сдерживания.

В заключение надо отметить, что комплексность гибридных угроз и организованной преступности требует стратегии, на основе которой будет формироваться политика, и необходимо разработать руководящие указания для предприятия соответствующих действий в рамках ЕС. Выводы, сделанные в результате обсуждений гибридных угроз, должны найти отражение в новой стратегии безопасности ЕС. Если не удастся разработать общую для ЕС и НАТО стратегию противодействия гибридным угрозам, то по крайней мере стратегия ЕС должна дополнять стратегию НАТО. Общая стратегия борьбы с гибридными угрозами является большой возможностью для усовершенствования отношений между ЕС и НАТО. Она станет фундаментом взаимной поддержки. В плане борьбы с гибридными угрозами, общая политика безопасности и обороны ЕС должна создать основу для обмена разведывательной информации, развития новых способностей, в том числе создания информационной осведомленности, проведения тренировочных сессий и учений. Приоритетным для ЕС является создание звена для сортирования информации о гибридных угрозах. Оно будет играть ключевую роль в выпуске предупреждений об угрозах и в подготовке адекватного ответа. Коммуникационная стратегия должна вы-

---

³⁷ Там же, 5.

давать четкие послания, предназначенные для Российской Федерации, а так же подготавливать ответы на любую дезинформацию.

Заключение

Маловероятно, что российские вооруженные силы перейдут границу НАТО. Тем не менее, надо ожидать, что Россия будет пытаться дестабилизировать как НАТО, так и ЕС, путем проведения невоенных операций. Эффективный ответ на гибридные операции и организованную преступность потребует координированные действия со стороны обеих организаций. Чтобы обеспечить это, важно располагать общей доктриной противодействия гибридным угрозам. НАТО следует играть роль лидера в таких областях, как военное реагирование, разведка, сдерживание и интервенция в случае чрезвычайных ситуаций. По всей видимости, в мирное время, лучшим сдерживающим фактором является постоянное присутствие вооруженных сил НАТО на территории страны, которая подвергается угрозе. ЕС следует взять на себя ответственность за борьбу с организованной преступностью в киберпространстве, за энергетический сектор, миграционную политику и за пропаганду. Необходимо стремиться к синергетическому использованию инструментов, которыми располагают обе организации.

Важным вызовом для обеих организаций и для стран членов, особенно для тех, которые подвергаются угрозе, является уменьшение уязвимости к гибридным угрозам. Ни НАТО, ни ЕС могут обеспечить абсолютную безопасность стран членов перед лицом гибридных угроз и организованной преступности, но эти организации определенно могут способствовать повышению сопротивляемости к таким угрозам. Конкретные страны должны разработать и начать осуществлять свои нестандартные стратегии национальной безопасности, которые позволят им противодействовать как классическим, так и гибридным угрозам, а так же они должны модернизировать свои оборонные структуры. Абсолютно критическими являются способности и предоставление ресурсов для их приобретения. Способности для борьбы с гибридными угрозами должны давать возможность проводить операции по сдерживанию, по подготовке для обороны и по реализации эффективного ответа, если таковые угрозы будут иметь место.

Об авторе

Мирослав Банасик (р. 1960) в настоящее время работает в Университете Нижней Силезии во Вроцлаве (Польша). У него степень кандидата наук в сфере общественных наук, он полковник вооруженных сил Польши и выпускник (аспирант) Национального университета обороны в Варшаве и Колледжа обороны НАТО в Риме (Италия). Он занимал ряд командных и штабных должностей, в том числе был заместителем польского национального представителя в Штаб-квартире командования союзных сил в Европе. В круг его академических интересов входят вопросы, связанные с национальной и международной безопасностью и кризис-менеджментом.